

ЕЛЕНА ГВОЗДЕНКО

Потустороннее

МИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Елена Гвозденко
Потустороннее.
Мистические рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42389039

ISBN 9785449669070

Аннотация

Если вы любите страшные истории, если всегда верили в существование потустороннего мира – эта книга для вас. Добро пожаловать в мир иной реальности, где мистика прячется в самых обыденных вещах.

Содержание

Кошка	5
За три дня до смерти	13
Проклятие Репина	19
Вестница	24
Тайна Кирьянихи	27
Тень в окне	33
Memento mori	39
Вещие сны	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Потустороннее Мистические рассказы

Елена Гвозденко

© Елена Гвозденко, 2019

ISBN 978-5-4496-6907-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кошка

Серую кошку впервые заметили на следующий день после пропажи Марины. Животное бросилось под ноги Елизавете Георгиевне, пенсионерке, живущей под квартирой, которую снимала молодая зеленоглазая девушка.

– Брысь. Откуда ты здесь? Неужели Ермолаевы очередную кошку притащили?

Многодетные Ермолаевы были самой осуждаемой семьей тихого дома. Все беды жильцов, по общему мнению, несли Ермолаевы: и сожженные почтовые ящики, и исписанные стены, и бездомные животные, ночующие в подъезде.

Но Ермолаевы не признавались, а на следующий день про кошку все забыли. На следующий день в подъезде появилась укутанная в нелепые тряпки худая женщина. Она стучалась в квартиру к Марине, кричала, плакала. На крик бежали все. Даже суматошная бабка Ермолина. Так и прибежала с полным детским горшком в одной руке и половником в другой.

– Из чего она им варит-то? – не смолчала Анастасия из тридцать седьмой квартиры.

Но ей никто не ответил. Все с недоумением рассматривали незнакомку. Та будто и не видела никого, билась о старенькую дверь и причитала:

– Марина, Мариночка. Доченька.

– Вы – мать Марины?

Женщина будто очнулась, обвела взглядом людей, столпившихся на маленькой лестничной площадке, и прошептала:

– Беда с дочкой.

– Что случилось-то?

– Пропала.

– С чего вы взяли? – Анастасия первая подошла к несчастной матери, – видела я Маринку.

– Когда? Когда, милая?

– Не помню точно. Вроде вчера или позавчера.

– Позавчера мы с ней говорили по телефону. Она мне сказала, что очень боится. Что ночами перестала спать. И еще. Что у вас тут живет ведьма.

– Кто? Это она о ком? – не выдержала старуха Ермолина, размахивая горшком.

– Вы горшок бы домой отнесли, бабушка.

– О ком она? – зашептала Елизавета Георгиевна Лидии Ивановне из сорок пятой квартиры.

– О Глафире, о ком еще?

И тут опять появилась кошка. Она терлась о ноги матери Марины, жалобно мяукая.

– Ермолины, сознавайтесь, ваша?

– Нет, что вы. Мы всех выгнали.

– Так новую притащили. Брысь, иди отсюда.

Но кошка внезапно ощерилась, выгнула спину дугой и зашипела.

– Ишь, бешенная, не иначе.

– Сами вы... Нашли, о чем говорить. Кто-нибудь знает телефон хозяйки?

Когда через час квартиру вскрыли, толпа ворвалась внутрь. Обезумевшая мать металась по комнате:

– Вот ведь сумочка Маришкина, она без нее не выходила. И курточка, и сапожки...

– И телефон.

– Надо в полицию звонить.

Через пару месяцев в квартиру вселилась новая жиличка. Мать несчастной Марины уехала в свою деревню, повторяя, как молитву, отговорку полиции, что они обязательно найдут. Про Глафиру как-то все забыли. А ведь знали, что к ней из жильцов ходила только Марина. И ключ у нее был, у нее и у социального работника. Глафира уже лет десять не вставала с постели, а в дом престарелых ехать не соглашалась. Как управлялась – неизвестно. Кошку видели редко, пробиралась серой тенью к двери Глафиры и орала ночами. А еще через пару месяцев Виктория, сдружившаяся с Настей, спросила:

– А кто живет надо мной? Я по ночам странные звуки слышу, будто бегают кто.

– Кажется тебе, старуха там почти безумная. Но безобидная, говорят, что не встает, – ответила Настя, потягивая пиво.

– А как же она? Кто ее обслуживает?

– Оно тебе надо?

Вика не ответила, но ночами все чаще вслушивалась: ходят, не иначе. И даже не ходят, бегают. Утром пробралась к двери, постучала. Услышала: «Открыто», – и вошла. Старуха лежала в белой пене постельного белья. Вика еще подумала, что отстирано отменно.

– Заходи, милая. Помочь хочешь, сердечко доброе? – черные глаза, темные локоны, разметавшиеся по подушке, даже без следа седины.

– Чем я могу помочь?

– А ты заходи почаще. Ключик-то возьми, на комодке лежит.

Вика стала заходить, сначала раз в неделю, потом два, а через месяц и каждый день. Квартира сверху будто тянула. Сон стал беспокойный, из рук все валилось. А сходит – будто силы наберется. Старуха рассказывала о былой жизни, о деревенских просторах. Почему-то Вике казалось, что рассказывала она о том, давнем времени, когда еще и царя не свергли. Девушка осунулась, перестала встречаться с приятелями, даже Насти избегала. Но та сама пришла.

– Ты того, не подумай, что я ненормальная, перестань ходить к старухе. Наши бабки про нее всякие ужасы рассказывают. Будто... ведьма она.

– Ведьма? – Вика даже не удивилась.

– Говорят, что раньше к ней полгорода ходило, ворожить там, гадать. И еще. До тебя тут девушка жила, Марина. Так вот, она тоже к бабке бегала. Бегала, бегала и пропала.

Вика слушала как-то безучастно. Не соблазнилась на принесенное пиво и рыбку. Настя обиженно ушла. А ночью. Ночью Вика опять не спала. Ужас тяжелой плитой опустился на грудь. Сердце выбивало: «Приди, приди. Я жду». Дыхание сбивалось, холодная испарина покрыла лоб.

«Скорою что ли вызвать?» – подумала зачем-то уже на лестнице. Дверь к Глафире была распахнута. Девушка шагнула за порог и успела удивиться молодой резвости, с которой старуха вскочила с постели. Впрочем, это была уже не старуха, перед ней стояла красавица. И в этот миг в квартире оказалась кошка. Ведьма ощерилась, схватила подушку, пытаясь отбиться, но кошка уже прыгнула ей на грудь. Вика закричала.

– Ну, подруга, ты напугала всех.

– Где я? – сознание возвращалось неохотно, какими-то туманными клочками. Светлые стены, сероватый потолок.

– Где, где, в больнице. Закричала. Разбудила всех. Нашли тебя на лестнице без сознания.

– Где на лестнице?

– У твоей квартиры.

– А Глафира?

– Откуда ты знаешь? Утром запах пошел, вызвали МЧС.

– И что?

– Умерла ведьма, кровью истекла. Так и нашли два трупа.

– Два

– У нее на груди лежала мертвая кошка. Ну помнишь, бродяжка серая. Она ее и поранила.

– Не кошка это, Настя...

– А кто?

Но Вика отвернулась к стене и заплакала. И с этими слезами уходила тяжесть.

За три дня до смерти

Он знал, что жить ему оставалось три дня, последние полгода учился привыкать к обреченности. Всего три дня! Прожить бы их с шиком – денег нет. Не пошел на работу, зачем теперь? Из комнаты не выгонят, оплачена на месяц вперед. Еще должны останутся, умрет-то он через 3 дня!

Сергей кривовато усмехнулся, наливая водку в грязный стакан. Обернулся в поисках закуски, не нашел. Горло ожгло, в глазах потемнело. Сосед по комнате, Олег, вернется только вечером. Чем бы заняться, чтобы изгнать из головы тикающий будильник? Включил ноут, пощелкал по сайтам, играм – не затягивает. Письмо, неизвестный адресат. Но Сергей знал, кто автор, знал и поэтому не мог открыть. Он был уверен, что пишет ему Анька. С того света.

И ровно через три дня, в понедельник, он отправится к ней.

– Опять набрался, – Олег склонился над соседом, – на работу забил. Выгонят же.

– Не выгонят.

– Это почему? Тебя и так не сильно ценят, специалист из тебя...

– А я сказал, не выгонят, – Сергей рывком поднялся с про-
давленной кровати. – Такие деньги дерут, а мебель еще с об-
щаги осталась.

– Далась тебе эта мебель, крыша есть над головой – и лад-
но. Денег наберем, съедем.

– Никуда я не поеду.

– Ну и оставайся, – Олег ставил кастрюлю на плитку. –
Есть будешь?

– Пельмени? Буду. Напоследок.

Будь Сергей чуть трезвее, он бы заметил, как усмехнулся
Олег. От горячего стало легче. Сергей поискал недопитую
бутылку, но так и не нашел.

– Последние денечки мы с тобой, придется тебе нового
соседа искать.

– Что так, домой уезжаешь? Наработался?

– Умру я, Олег. В понедельник и уйду... в мир лучший, – он все-таки нашел бутылку и успел опрокинуть стакан.

– Умрешь, говоришь, – голос Олега прозвучал зловеще.

Но Сергей не замечал. Он, наконец, заговорил, рассказывал соседу о роковой встрече, в трехлетнюю годовщину которой должен уйти из жизни. Аньку заметил сразу, бросалась в глаза своей неуместностью в ночном клубе. Потом узнал, что была здесь впервые, подружки вытащили. Студентка – первокурсница, недавно переехавшая из маленького городка. Впрочем, он тоже приехал из области, но за четыре года успел обжиться, стать своим, завсегдатаем клубов. Вот только с финансами... Была у него одна подружка, солидная дама, которая оплачивала безбедную жизнь. Но отвернулась фортуна, тетка стала требовать верности, в ее-то годы! Выгнала, как щенка. И он пошел по клубам, погулять на последние, а если повезет – найти замену старухе.

Чем тогда Анька притянула? Погуляли и все, но нет же, прилипла как жвачка на джинсы. Сняла квартиру, с прежней ему пришлось съехать. Разумеется – скромную. Пошла работать, институт свой забросила. Он тоже перебивался случайными подработками, но содержала, конечно, она. К слову, плохо содержала. Он ей сразу сказал, что никакого брака, ничего серьезного. Вцепилась... Мамаша ее истеричная

приезжала несколько раз, скандалы устраивала. Анька потом несколько дней сама не своя ходила. Жалко ее. А когда она сказала, что у них будет ребенок, он впервые ее ударил. И еще, еще. Целился по животу, что врать? Надоело ему по углам, привык уже к Анькиным борщам. Ребенок все менял.

Две недели домой не приходил, а как вернулся, Аньку не узнал – постарела, подурнела. Вроде похудела, а еще страшнее стала. А тут узнал, что прервать нельзя, поздно уже. Вот тогда и сорвался, бил люто. Так на ней же как на собаке... Через неделю лучше стало, на работу пошла. Так и работала до самых родов. В роддом увезли, он пошел свободу отмечать. Встретил Эвелину Леонидовну. Это был шанс! Откуда он знал, что труп Аньки и ребенка надо забирать из больницы? Он вообще про Аньку хотел забыть, симку сменил. Как его несостоявшаяся теща нашла? Такой разгром в доме Эвелины устроила, мама дорогая! Эвелина, разумеется, включила женскую солидарность. Вернулся домой, а там ни работы, ни богатых баб. А тут еще и мать узнала и выгнала.

– Представляешь, Олег, сына родного выгнала. А я – один у нее. Хорошо работа в столице подвернулась.

Олег слушал молча, лишь желваки выдавали волнение.

А полгода назад получил письмо по электронке. Открыл – вроде Анька пишет. Я думал, шутит кто-то. Письма стали приходить регулярно. И смс. Просил одного знатока посмотреть, говорит, что не может вычислить адресата, хитрая схема какая-то. И все полгода каждый день пишет, будто и не умирала. И самое страшное – про ребенка рассказывает. А однажды позвонила... Детский плач теперь снится.

– В понедельник, говоришь. Так вот знай, это я буду твоим палачом, гаденыш. Я ее брат, это из-за тебя Анька умерла. И Анька, и сын.

– Брат... Но она же говорила, что одна...

– А ты интересовался? Тебя вообще что-нибудь интересует, кроме собственной персоны?

– Так это ты пишешь?

– Нет, не я, – голос Олега раздваивался, множился. Казалось, целый хор доносится издалека.

– Но кто?

– Аня, Аня, Аня...

– Нет, – Сергей подскочил, – не будет, по-вашему!
Не умру я в понедельник, – донеслось уже из коридора.

У входа в общежитие под нелепо согнутой фигурой растекалась лужа крови. Пожилой водитель плакал, куда-то звонил и подходил к каждому с одной-единственной фразой:

– Он сам, я не виноват, выскочил под колеса...

– По-моему, это Сергей из 308 комнаты, – девушка склонилась над телом. – Смотрите, мобильник отлетел.

Она подобрала телефон и тут же экран зажегся от полученного смс.

– Смотрите, какая-то Аня: «Теперь вижу, что соскучился»...

Проклятие Репина

Как же душно, надо приказать, чтобы топили меньше. Кровавые отблески все ближе, ближе, нечем дышать, скорее на воздух, утопить в морозной терпкости, что не уничтожить. Опять эта ухмылка, она повсюду: мелькнет из-под треуха извозчика, выскочит вдруг на глупом лице кухарки – повсюду, не спрятаться, не убежать. Начнешь писать, кисти сами выводят. А соглашаться нельзя, без того слава рокового портретиста. Только не Столыпина, прощу ли себя? Да и молва, припомнят все разговоры дружеские, письмо Эварницкому, в котором ругал правительство и премьера. Оршар на днях уговаривал, мол, напишите, раз так просят, иначе от этого тирана не избавиться. А противостоять все труднее – душит, ухмыляется...

Ноябрьский ветер расплетал косы почерневших ветвей, выметал с обледеневшего асфальта городской мусор, щедро осыпая припозднившихся прохожих. Быстрее к свету центральных улиц, в уютное нутро редких маршруток. Эх, написать бы этот вечер, это бегство от холода, это погружение в себя. Ноги скользят, того и гляди, упадешь, а тут еще чудик этот.

– Ромус, ну, правда, я договорился. Только представь, медитация рядом с таким сгустком энергии!

– Тим, как ты себе это представляешь? Допустим, охранник – свой человек, но камеры, там же всюду камеры.

– Все под контролем, не зря же все лето в реставрационной мастерской вкалывал. Все отключат и подкрутят, да нам с тобой не так много времени и надо, пару часов, не больше.

Роман, как и многие будущие художники, увлекся Нью Эйджем еще на первом курсе. Медитации, психоделические практики, состояния измененного сознания рождали новые, яркие образы, приближали к любимому сюрреализму.

– Только представь, – не унимался высокий сутулый Тимофей, подставляя худое лицо под потоки ледяного воздуха. В тощей бородке запутался пожухлый лист.

«Не холодно ему что ли? А глаза-то, глаза, какое интересное освещение, кажется, что не отражение фонаря, а свет, идущий изнутри. Написать бы».

– А почему обязательно сегодня? Я с Марфушей договорился, – Роман остановился.

– Какая Марфуша, я тебя умоляю. Ре-пин! Портрет Столыпина! Тот самый, между прочим, роковой.

– Ага, и два ненормальных, распевающих мантры в музейном зале.

– Ну как знаешь, я один пойду, – Тимофей, наконец, отпустил рукав приятеля и решительно направился к остановке.
– Стой, Дали недоделанный, Марфуша подождет.

Какой взгляд у Петра Аркадьевича, сколько твердости, уверенности, какое погружение в себя. Рука, давящая любое проявление вольного духа. Надо перестать видеть в нем политика, понять человека. Эти фатальные портьеры, кровавые, будто пожар, стихия революции. Сидит, а за его спиной все полыхает...

«Как же душно, надо открыть окно», – Роман нехотя оторвался от мольберта. Город, расцвеченный новогодними гирляндами, лишь на мгновение отвлек молодого художника. Второй месяц он не выходил из своей комнаты, второй месяц его кисти не знали отдыха. С той самой ночи в музее, когда тело, расслабленное долгим трансом, пережила невыносимая боль. Ему показалось, что лицо Петра Столыпина отделилось от портрета и нависло над ним, ухмыляясь. Наутро, вернувшись в свою квартиру, он уничтожил все свои работы и надолго застыл перед белым холстом. Когда он, наконец, решился взять кисти, неведомая сила подхватила его руку. Цвета, композиция, сюжетное решение – все это было гениально. И какое ему дело до звонков из училища? Какое

дело до глупого Тимофея, второй месяц запертого в психиатрической клинике? Есть только он и эти новые, рвущиеся в реальность образы!

Вернувшиеся с новогодних каникул однокурсники решили навестить затворника. Они не сразу узнали в поседевшем высохшем старике бывшего приятеля, но настоящий ужас испытали, когда трясущаяся рука сдернула покрывало с мольберта. Океаны крови заливали раздробленную, почерневшую Землю...

Нью Эйдж («новая эра») – субкультура, основанная на совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического характера.

Илья Репин закончил портрет Петра Столыпина в 1910 году, незадолго до гибели политика. Множество мистических слухов сопровождало творчество великого живописца. «Когда Репин писал мой портрет, я в шутку сказал ему, что, будь я чуть-чуть суевернее, ни за что не решился бы позировать ему, потому что в его портретах таится злоеущая сила: почти всякий, кого он напишет, в ближайшие же дни умирает. Написал Мусоргского – Мусоргский тотчас же умер. Написал Писемского – Писемский умер. А Пирогов?

А Мерси д'Аржанто? И чуть только он захотел написать для Третьякова портрет Тютчева, Тютчев в том же месяце заболел и вскоре скончался», — вспоминал писатель Корней Чуковский.

Вестница

Почему его взгляд выхватил из толпы, прогуливающейся по перрону, именно ее? Если бы знал тогда, если бы догадывался, он до самого дома не открывал бы глаз! Душное пространство плацкартного вагона, пропитанного запахами чужих тел, прокисшего пива и несвежей еды, делало поездку невыносимой. Связь постоянно пропадала. Единственное развлечение – пейзаж за окном. Он проклинал шефа, отправившего в командировку в конце августа, когда билетов в приличные поезда не достать. Теперь он возвращается на каком-то ползущем недоумении, которое останавливается на каждой платформе.

С интересом рассматривал маленькие станции, строения вековой давности, торговки, бегущих по платформе с яблоками-сливами, пирожками и картошкой. С удивлением отмечал, что у киосков, торгующих газетами и журналами, многолюдно. И девушку эту заметил именно у такого киоска. Гибкая стройная фигурка в алом платье, россыпь угольных волос. Черное на красном. Она что-то рассматривала за стеклянной витриной, какой-то журнал, грациозно изогнув спину. Потом распрямилась с грацией кошки и обернулась. От взгляда темных глаз стало не по себе. И грязное вагонное стекло не спасало. Казалось, взгляд пробирается

внутри, и от этого становится так холодно, стыло. Он чувствовал, как волоски на его коже стали жесткими, упругими, чувствовал бег мурашек. Девушка улыбнулась, и холодная испарина покрыла лоб. Поезд дернулся – раз, другой, и состав нехотя покинул станцию.

Через несколько минут он забыл о наваждении. По коридору бегали чумазные ребяташки, женщины спешили к умывальникам, мыть купленные фрукты. В соседнем купе звенели принесенными бутылками. Дома он будет только через восемь часов, поздно вечером. Восемь часов этого душного ада. За окном пейзаж в подпалинах увядания. Конец августа. Ближе к следующей станции стали появляться какие-то полуразрушенные строения. Их становилось все больше, пока, наконец, грохоча на стрелках, поезд не въехал в какой-то поселок. И опять все то же багажное отделение, кафе, киоск. Не может быть! У киоска, в той же позе, девушка в красном. Черное покрывало волос. И опять она разогнулась и посмотрела на него долгим, замораживающим взглядом. Стало нечем дышать.

Он не сразу понял, что поезд уже покинул станцию, что вместо девушки в кровавом платье – проплывающие заросли посадок.

Когда, наконец, оторвался от окна, решил лечь спать.

Хватит с него безумных видений. Проснулся за пару часов до своей остановки. Уставшие дети уже не бегали, зато молодые люди из соседнего купе что-то пьяно доказывали друг другу. Поезд начал тормозить, последняя остановка. Он выглянул в окно. Девушка была на своем месте, у газетного киоска. Обернувшись, она грозно сдвинула брови и погрозила пальцем.

Тревога сковала. Он схватил телефон, благо, связь появилась. Набирал номер матери, отца, но почему-то не мог дозвониться.

Он удивился, увидев на перроне сестру. Разумеется, он звонил родителям, говорил, когда и на каком поезде вернется, но зачем его встречает Екатерина? Она бросилась к нему, рыдая:

– Миша, папа умер. Сердце...

Тайна Кирьянихи

Странности в поселке начались через пару месяцев после смерти Кирьянихи. Признаться, Кирьяниху в поселке не любили, хоть жила там давно, переехала, когда внучке Оленьке лет пять было. Дочка ее, бесцветная Верка, тогда вроде бы разошлась с мужем. Овдовевшая Кирьяниха купила половину дома и въехала в него со всем семейством. Верка недолго прожила с матерью, через пару лет, подхватив дочку, уехала в город, но к матери приезжала каждый месяц, привозила огромные сумки с гостинцами.

В поселке Верку не осуждали, характер у Кирьянихи тот еще. Дом свой содержала в идеальном порядке, но огородом и хозяйством не интересовалась никогда, покупая овощи и мясо у соседей. При этом придирчиво разглядывала каждую луковку, теребила пучки зелени, торговалась, хоть и отдавали за смешную цену. Часто разозлившиеся хозяева отдавали все даром, лишь бы не тратить времени на придирки взбалмошной соседки. Кирьяниха забирала добычу с таким достоинством, будто одолжение делала. О себе ничего не рассказывала, но поговаривали, что муж хорошо обеспечивал, а она занималась лишь нарядами. Как такое было возможно в советское время?

А лет десять назад стали замечать, будто Кирьяниха слабеет головой стала. Капризы перерастали в истерики, а потом и вовсе в безумные обвинения: то молочница подсовывает отравленное молоко, то соседи по ночам пускают в ее половину газ. Кирьяниха пошла по домам, проситься на ночлег. Ее выгоняли, но каждый вечер она опять оказывалась со своим узелком на каком-нибудь крыльце. Стучала палкой по окнам, пока не отпирали. Старуха без церемоний шла на кухню, требовала себе чай и обязательно со смородиновым вареньем, до которого была большой охотницей, часами бубнила про соседей-убийц и про дочь, ждущую ее смерти. Иногда будила хозяев среди ночи и требовала чая.

Верка продолжала приезжать по воскресеньям, но теперь мать не принимала гостинцев, с криком выбрасывая сумки за порог. А вскоре перестала пускать и саму Верку. Женщина плакала у сердобольных соседей, говорила, что пытается перевезти мать к себе, но та не хочет. И хоть живут они с дочерью и новорожденным внуком в маленькой комнате в коммуналке, но угол бы нашла. Она понимала, что мать тяжело больна и нуждается в помощи, но без ее согласия оформить в психиатрическую больницу невозможно.

А потом Кирьяниха стала пропадать. Соседи звонили Верке, та срывалась с работы, писала заявление, но кто будет искать безумную старуху? Кирьяниха всегда приходила

сама – через пару недель или месяц она появлялась у соседок, похудевшая, оборванная, с трудом говорившая. Соседки брали шефство, носили обеды, убирались в доме, стирали и зашивали потрепанную одежду. В это время старуха велась тихо, все больше молчала, с жадностью набрасывалась на принесенную еду. Но через месяц, отъевшись, снова начинала капризничать – ругала за невкусный суп или слишком маленькую котлету. Соседки злились, ругали себя и на короткое время забывали дорогу к неблагодарной старухе. И Кирьяниха опять пропадала.

В последний раз ее не было больше месяца. Прошел слух, что нашли в соседнем городе, роющуюся в мусоре. Старуху забрали в больницу, потом перевели в психиатрическое отделение. Верка взяла отпуск, навещала мать каждый день, но Кирьяниха не подпускала дочь. А еще через пару месяцев старуха тихо скончалась в приюте для безумных. После сороковин Верка заперла половину матери, отдала ключ соседям, чтобы приглядывали. Она обещала приехать через полгода, чтобы переоформить дом и выставить на продажу.

Вот тогда и начались странности. Первой пострадала Клавка, торгующая молоком. Коров в поселке мало, а молоко у Клавки было самым вкусным, поэтому торговала женщина по расписанию. Кирьянихе носила банки по вторникам и четвергам. И в тот вторник, как обычно, сседила парное

молоко и разлила по банкам, приготовив для продажи. Отправилась по своим делам, а вернувшись, заметила, что в одной из банок плавают какие-то черные хлопья. Клавка решила, что плохо вымыла банку, но в четверг все повторилось.

Степановна, чаще всего пускавшая Кирьяниху на ночлег, полезла в погреб и с ужасом увидела, что все банки со смородиновым вареньем лопнули. Поговаривали, что ночами часто слышали стук в окна, будто Кирьяниха стучала палкой. Соседи иногда слышали, как за стеной кто-то ходит, вздыхает и что-то бормочет. А однажды ночью у них почему-то сорвался газовый шланг. Чистая случайность спасла семью от гибели. Позвонили Верке, но та долго извинялась – внук тяжело заболел, но женщина обещала приехать при первой возможности. После звонка все прекратилось, соседи иногда заходили в опустевший дом, присматривать за газовым котлом. Ничего странного не замечали. Но накануне приезда дочери хозяйки на половине Кирьянихи всю ночь что-то гремело, будто переставляли мебель. Верка приехала к обеду, долго извинялась, что не могла раньше – внуку требовалась сложная операция, и женщина искала деньги.

Когда открыли дверь – ошолбенели, мебель была перевернута, оторванная дверь висела на одной петле, занавески болтались тряпками.

– Что тут произошло? Я вчера заходил, все было нормально, – выдавил сосед побелевшими губами.

А Верка, словно безумная, металась, поправляя стулья, подвешивая занавески. Неожиданно она охнула – нога подвернулась на подломленной половице.

– Смотрите, здесь что-то есть.

Из подпола извлекли довольно большой, крепко сбитый ящик. Сосед сбегал домой за инструментами, а когда вскрыли, изумленно ахнули:

– Да тут же целое состояние.

Кольца, серьги, ожерелья тускло поблескивали в скудном свете.

– Знаешь, Клавдия, я вот все думаю, – сказала как-то Степановна, забирая банку с молоком, – все-же Кирияниха Верку любила. Пусть после смерти, оказывается, бывает и так. Всю жизнь девке нервы портила, а наградила щедро.

– Да уж. Верка, слышала, квартиру Ольге своей купила, да и сама из коммуналки выбралась. Мальчишку вылечили. Да и мы дешево половину Кириянихи выкупили.

– Не боитесь жить здесь?

– А чего бояться? Иногда, правда, муж говорит, что слышит шаги. А я ничего не слышу, я за день так набегаюсь, что еле успеваю подушки коснуться...

Тень в окне

Странная все же штука – принятие. Он легко привык к патриархальной неспешности городка, к тому, что жизнь здесь – немного реалити-шоу, все всё знают. Но почему-то каждый раз вздрагивал от фразы: «гуляли по Островскому». Не по улице Островского, а именно «по Островскому». Местные алкоголики предпочитали собираться «на Гоголе». Интересно, кто автор столь странной затеи, дать улицам половины города имена писателей, тем более читать здесь не очень-то и любят. Как-то подслушал фразу двух кукушек: «Там, где Достоевский с Тургеневым пересеклись». Он даже остановился тогда, неужели о конфликте писателей? Оказалось, о продающемся доме.

Он не жалел о переезде, только тут он ощутил глубинное чувство привязанности к земле, только тут начал замечать многоцветье неба, различать горечь полыни и пряность белоголовника. Но главное, здесь можно было начать все заново, без постоянного желания объясняться со всеми знакомыми, детского желания. Подумаешь, не сложилось. Ну да, почти тридцать лет брака, взрослый сын. Только здесь понял, что все эти тридцать лет он прожил в каком-то искусственном мире. Ему повезло, благо, специалист он хороший. И единственный сохранившийся завод даже оклад ему

предложил гораздо выше, чем здесь принято. Вырученных от продажи машины денег вполне хватило на небольшой домик. А машина, зачем здесь машина? Весь городок за полчаса неспешным шагом пересечь можно. Заодно и память потренировать.

«Вещь. Я – вещь. Наконец слово для меня найдено», – цитировал Ларису, обходя бугры улицы Островского.

«Я помню чудное мгновенье...»

Он не любил эту часть улицы Пушкина. Уютная, в клеточках милых газонов, именно здесь она разбивалась, упираясь в аскетизм улицы Рабочей. Разбивалась вовсе не метафорически: асфальт, расплзшийся на латки, приросшие кучи мусора, почему-то обломанные деревья. Но главное, это картина умирания роскошного дома. Роскошного даже не по провинциальным меркам, всего же в городке было три таких здания. Два из них, занятых администрацией и школой, содержались довольно прилично. А вот третий... Третий пугал вываливающимися кирпичами, ножами битых стекол. Он узнавал, лет десять назад здесь было училище, готовящее педагогов для детских садов. А в этом корпусе находилось общежитие для студенток из близлежащих деревень. Училище закрыли, здание осиротело.

«Передо мной явилась ты...»

Показалось? Что это, какая-то белая тень метнулась в окне второго этажа. Нет, не показалось, в угловом окне фигурка девушки. Как она там оказалась? Не успел подумать – девушка исчезла. И почти одновременно хлопнула рама на третьем этаже. Сколько же их там? Волна озноба пробежала по телу, стало трудно дышать. Очнулся уже на перекрестке улиц Тургенева и Чехова. «Что, дорогой Антон Павлович, в мистику не верил, а к гадалке-то бегал», – билось в голове.

– Слушай, Мишка, а почему здание педучилища не реставрируют? – спрашивал он вечером у соседа, потягивающего пиво во дворе.

– Да шут их знает. Да, было время, девочки-студенточки... А что, Сергеич, может тебе бабу сосватать? Сколько можно разведенным ходить? У нас тут этого добра...

– Откуда ты-то знаешь, что разведен?

– Тоже мне тайна. У нас тут все всё знают. Светка, секретарша нотариуса, бабе Маше рассказала, а баба Маша у нас быстрее Интернета. Не, ну что ты, давай тебя с Маринкой познакомлю? Баба хорошая, хозяйственная. Домой придешь, а у тебя борщи, пироги. Красота!

– А что же сам одиноким ходишь?

– Так кто за меня пойдет, за безработного-то? Сам на мамкиной пенсии да еще жену приведу. А не хочешь Маринку, познакомлю с Веркой. Верка постарше, но тоже баба хорошая.

– Не надо меня ни с кем знакомить. Лучше скажи, здание училища закрыто? Туда никто попасть не может?

– Вон оно что... Катьку видел, – сосед даже побледнел.

– Что за Катька?

– Пойду я, Сергеич. Мать просила огород полить.

– Что за Катька? – поймал соседа уже у калитки.

– Здоровый ты, Сергеич. Ладно. Не к добру это. Ее у нас часто видят, и обязательно что-нибудь случается. Или помирают, или уезжают. Ну, или женятся, – неожиданно хохотнул мужчина.

– Так что за Катька? Не томи!

– Девка у нас лет пятнадцать назад умерла. В этом самом общежитии. Что там было, никто не знает толком. Кто говорил, что просто заболела, а кто-то, что забеременела. Короче, девчонки утром встали, а она лежит. Говорит, мол, заболела, пусть без нее идут. Вроде и воспитательница подходила, все нормально было. А во время уроков одна из соседок зачем-то вернулась и нашла Катьку мертвой. Отвезли ее в родную деревню, она, по-моему, из Березовки. Мать что ли тело забрала. Схоронили. Но с тех пор видели ее часто. И все время днем, во время занятий. Будто ходила по коридору в ночнушке. А вскоре и педучилище закрыли. И теперь иногда ее в окне видят. Славка кривой видел, мужики говорили. А через неделю помер. Колька Захаров под машину попал. А вот Витька, по слухам, после этого Юльку встретил, пятый год живут.

– Что за ерунда? Призрак, смерти...

– Смотри, Сергеич. Так я пойду? – и убежал, так и не дождавшись ответа.

«Как мимолетное виденье...»

Каждый вечер он приходил сюда. Каждый вечер вспоминал стихи великого поэта, всматриваясь в пыльные осколки. Пока не услышал плач. Метнулся в поисках входа, но парадная дверь забита досками. Груды кирпичей, стекло, вот он, черный вход. И маленькая фигурка женщины с букетом в руках. Посмотрела, даже не удивившись.

– Знала, что Катюша тебя приведет. Сегодня бы ей тридцать лет было.

– Вы кто?

– Наталья, сестра ее. Приехала вот... А вы Андрей?

– Да, Андрей Сергеевич. Но откуда? Что, тоже баба Маша?

Наталья посмотрела на него долгим взглядом:

– Нет, почему баба Маша? Катюша. Это она нас свела. И жить мы будем очень долго.

Темная фигурка заспешила вниз по улице Пушкина. Он шел следом, удивляясь, как полно вдыхает грудь.

«И сердце бьется в упоенье,

И для него воскресли вновь

И божество, и вдохновенье,

И жизнь, и слезы, и любовь».

Memento mori

– Ну что, кому некролог готовить? – губернатор хмурил лоб.

– Почему сразу некролог? – робко возразил министр культуры.

– Почему некролог, вы меня спрашиваете? А четыре смерти вас не убеждают? Вот вы нам и объясните, уважаемый, что в вашем учреждении творится? Как появляется эта проклятая надпись?

– Это мистика, Арсений Сергеевич. Мы выставляли охранников, те клянутся, что к объекту никто не подходил.

– И что же получается? Сами охранники намалевали? «Memento mori», помни о смерти! Латынь. Кто такое написать мог? Может медики, они латынь знать должны. И смерти эти...

Второй месяц город оплетали слухи. С тех самых пор, как в ночь на четверг, 14 марта, на стене городской библиотеки в первый раз появилась эта надпись. Ее проигнорировали, мало ли любителей граффити, но на следующее утро

пришло известие о смерти областного министра транспорта Михайлова. Михайлов отличался редким здоровьем, любил спорт, ездил отдыхать на горнолыжные курорты. И как такой здоровяк мог умереть во сне? Возможно, смерть видного управленца и надпись не связали бы, но после смерти министра надпись исчезла сама собой. А ровно через неделю в смертельном ДТП погиб руководитель Общественной палаты. А накануне знаменитая фраза опять красовалась на прежнем месте.

В следующий четверг стена библиотеки вновь выглядела зловеще, но никто из известных людей не умер. В пятницу директор библиотеки, явившаяся первой, надписи не обнаружила.

Но наутро четверга «Memento mori» встречала первых сотрудников. А в пятницу на рыбалке утонул руководитель комитета по экологии. После похорон губернатор созвал экстренное совещание. Негласно объявили ЧП. Привлекали множество специалистов. Удалось узнать, что надпись сделана краской, которой не менее ста лет! Уборщица догадалась соскоблить образец.

Следующая неделя обошлась без жертв, хотя фраза добросовестно пугала. А еще через неделю умер еще один известный человек, заслуженный учитель. Мужчина преклон-

ных лет, давно на пенсии, казалось бы, кончина вполне естественная. Если бы не случилась в ночь на пятницу. У библиотеки установили круглосуточное дежурство. Ее закрыли для посетителей, обязав сотрудников приходить каждый день.

В пятницу сообщили о смерти бывшего редактора регионального СМИ. Мужчина долгое время боролся с раком и умер в больнице.

А во вторник в библиотеку пришел странный субъект. Он требовал допустить его к архивам, но документов не предоставил. Мужчину задержали, а потом привезли в кабинет губернатора. Арсений Сергеевич с интересом рассматривал пожилого, плохо одетого мужчину с затертой старой папкой в руках.

– Говорите, что знаете, где искать причину? Как вас там?

– Станислав Петрович. Да, я догадываюсь, у меня есть теория, совершенно безумная теория, на первый взгляд. Но она все объясняет.

– И что это за теория?

– Мне надо попасть в архив, я знаю, что искать. А еще

нужна помощь сотрудников, тех, кто принимает книги на хранение. Вы можете прикрепить ко мне сопровождение.

– Отправить под охраной, вы хотите сказать? Хорошо, но потом обязательно ко мне с докладом.

Станислав Петрович устало усмехнулся, но возражать не стал. А еще через час он перебирал пыльные стопки недавно пожертвованных книг. И очень обрадовался, обнаружив старый рукописный листок в одной из них.

– Нашлась! Все сошлось.

Губернатор ждал с нетерпением:

– Ну как?

– Нашел. Смертей больше не будет.

– ?

– Сначала небольшое отступление. Здание, в котором находится библиотека, некогда принадлежало графу Михаилу Юрьевичу Виноградову. Он и организовал тайное общество поклонников смерти. Дело было на рубеже веков, тогда многие интересовались мистикой. Поговаривали, что в подва-

ле члены этого общества устраивали какие-то обряды, спиритические сеансы. И вот во время одного из них что-то пошло не так. Испуганные мистики спешно покинули графский дом. А сам Михаил Юрьевич заперся в кабинете, что-то писал, потом отправил запечатанный конверт с нарочным. Позвал своего сына, пятнадцатилетнего Алексея Михайловича, говорил с ним при закрытых дверях. Слуги вспоминали, что юноша вышел весь в слезах. К обеду Михаил Юрьевич умер от удушья. За короткое время все шесть гостей графа, участвовавших в злополучном сеансе, умерли загадочной смертью. Город перемалывал слухи. Но тут случилась война, а за ней революция. На долю потомков тех несчастных выпали другие испытания.

– Ну и какое отношение события столетней давности имеют к дням сегодняшним? – не выдержал губернатор.

– Помните про отправленное письмо графа Виноградова? В том письме было тайное послание мира мертвых. А еще там была приписка от самого графа. Он писал, что за необдуманный поступок нужна жертва, поэтому все, кто был с ним, он сам должны умереть. Но это еще не все. Тайную запись можно уничтожить, но не раньше, чем через сто лет. И цена избавления – семь жизней потомков неосмотрительных дворян. А жертвенный молох придет в движение, когда бумага окажется в комнате, куда вызвали демонов.

– Мистика...

– Вы правы, Арсений Сергеевич, мистика. Мой друг, Виноградов Павел Петрович, давно уехал из этого города. Всю жизнь проработал инженером, а на пенсии решил заняться своей родословной. Он и раскопал эту историю. Мы переписывались. Он писал, что в последнее время не может избавиться от необъяснимой тревоги. Недавно я вернулся с его похорон. Да-да, он умер в пятницу.

– А мы думали, что никто не умер.

– Зря так думали, все семь жертв принесены.

– А бумага?

– Ее больше нет, я уничтожил ее.

– Он, действительно, сжег какой-то листок. Мы хотели отнять, но не успели, – подтвердил охранник.

– Кровавую столетнюю глупость надо было предать огню.

– Вы правы... Помни о смерти...

– Memento mori.

Вещие сны

Помнится, на какой-то вечеринке меня спросили – верю ли я в вещие сны. Вопрос меня позабавил. Скажите, а вы верите, ну например, в алфавит? Еще в детстве я понял, что вокруг нас множество подсказок, зашифрованных и явных, множество указателей. Надо лишь внимательно взглядеться в то, что нас окружает. Сновидения очень часто напоминают некий текст-подсказку, только написан он частью знакомым алфавитом, но другая его часть – это инопись. Именно трактовка очень часто приводит нас к сомнениям. Представьте некий рассказ, в котором все подлежащие прорисованы иероглифами. Вы читаете текст, опуская подлежащие. Часть рассказа легка для понимания из контекста, но встречаются места, где трактовка может быть совершенно произвольной. Именно так мы часто и трактуем наши сны, опираясь на всевозможные сонники, забывая о главном подсказчике, что живет внутри каждого из нас.

В первый раз я понял, что сны – своеобразный мостик, связывающий нашу реальность с каким-то другим, неизведанным и загадочным миром, еще в школе. Когда я учился в четвертом классе, умерла моя дальняя родственница. До этого дня я, конечно же, задумывался о смерти, но, как у всякого ребенка, эти размышления были весьма поверх-

ностны. Помню, что на похороны меня не взяли, и мы договорились, что я самостоятельно приеду к поминальному столу после школы. Признаться, о смерти этой пожилой женщины я думал без какого-либо сочувствия, я больше наслаждался возможностью с некоей долей трагичности, совсем по-взрослому, сообщить своим приятелям, что после занятий отправляюсь на похороны. Единственное, что вызывало во мне какое-то сожаление, была утраченная возможность видеть два предмета, которые манили меня во время нечастых визитов в дом к этой родственнице. Еще совсем маленьким я часами наблюдал за чудесной литой печной дверцей, разукрашенной цветами и сказочными листьями. Сквозь щели был виден огонь, и это зрелище казалось мне завораживающим... А еще на этажерке гордо восседала самая настоящая белка. Мне всегда казалось, что она подсматривает за мной своим стеклянным глазом, и поэтому я старался наблюдать за ней издали. Это было первое чувство, увиденное мной, и именно его натуральность производила на меня совершенно мистическое впечатление. Впрочем, это все были детские страхи, а в четвертом классе я ощущал себя вполне взрослым человеком, отправляющимся на самые настоящие похороны. Всю дорогу, до дома я представлял картины, как родственники делят наследство, втайне мечтая стать владельцем этой белки. Но для белки нашлись родственники и поближе, и я вскоре позабыл и про свои желания и про поминальный стол, как впрочем, и про саму по-

хороненную родственницу.

Но перед сороковинами эта старушка мне приснилась. Я помню этот сон в мельчайших деталях. Помню, что был он двуцветным – не черно-белым, а именно двуцветным, без всяких оттенков, и оттого фантасмагоричным. Надо сказать, что сны мне почти всегда снятся цветными. Я видел абсолютно ровную темно-серую поверхность гладкую до такой степени, что она была похожа на стекло, но без блеска. Никаких кустиков, кочек, камней, ничего, за что мог бы уцепиться взгляд. Возможно, именно поэтому огромное круглое белое здание, которое располагалось на сером нечто, так манило и притягивало. Помню, что меня поразило отсутствие дверей. Я несколько раз обошел строение, но никакой возможности пробраться внутрь, так и не обнаружил. Вскоре рядом со мной материализовалась эта моя умершая родственница. Она рассказала, что сейчас живет внутри этого здания, что у нее все хорошо. Помню, что я очень просил проводить меня к ней в гости, на что получил весьма категоричный отказ. Она попросила меня сообщить родственникам, что с ней все нормально, а также сказала, что теперь я часто буду видеть тех, кто ушел.

Проснувшись, я долго не мог прийти в себя. Я сразу понял, что теперь мне не быть прежним, что-то внутри меня проросло каким-то взрослым осознанием изменившего-

ся времени. Появилось новое ощущение, которому я не мог подобрать слов. Позже, я понял, что это ощущение будет дополнительной подсказкой в моменты, когда я буду в этом особо нуждаться. Иногда оно возникает после сна, иногда при бодрствовании в голове сама собой рождается мысль под аккомпанемент этого «предчувствия», как я потом обозначил это состояние. Предчувствие может длиться от нескольких секунд до нескольких суток, тогда я начинаю искать информацию, на которую оно указывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.